

Беляев Андрей Николаевич

ТОПОНИМЫ В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В статье рассматривается проблема взаимодействия топонимов в зоне немецко-славянских языковых контактов. На материале немецких и лужицких топонимов проводится сравнительный семантический анализ топонимов. Выявлены общие черты в процессе зарождения географических названий, обусловленные общей физико-географической и культивированной окружающей средой у контактирующих народов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/4-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. I. С. 35-37. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.11.112

Филологические науки

В статье рассматривается проблема взаимодействия топонимов в зоне немецко-славянских языковых контактов. На материале немецких и лужицких топонимов проводится сравнительный семантический анализ топооснов. Выявлены общие черты в процессе зарождения географических названий, обусловленные общей физико-географической и культивируемой окружающей средой у контактирующих народов.

Ключевые слова и фразы: межъязыковое взаимодействие; топонимическая система; ойконим; семантические параллели; древнелужицкие топонимы.

Беляев Андрей Николаевич, к. филол. н., доцент
Башкирский государственный аграрный университет
anbelajew@mail.ru

ТОПОНИМЫ В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В последнее время проблема межъязыкового взаимодействия топонимов всё более настойчиво привлекает внимание лингвистов в силу ряда причин, вызванных необходимостью внедрения в практику топонимических исследований сравнительных и компаративных приёмов и методов [1-4].

Сравнительный анализ топонимических систем в зоне языкового и культурного взаимодействия может привести к обнаружению тех лингвистических фактов, которые не выявляются при структурно-семантическом и / или этимологическом анализе топонимической лексики. Мы считаем, что невозможно адекватно описать становление и развитие топонимической системы любого языка, не обращая при этом к материалу иноязычных топонимов, локализованных в этом ареале. Возникновение, стабилизация одной топонимической системы в пределах другой, уже устоявшейся, преобладающей на данной территории, связано с рядом факторов как лингвистического, так и экстралингвистического характера: 1) сохранением, свойственных топонимам прежнего местопребывания переселенцев; 2) влиянием новой географической среды, условий жизни на формирующуюся ойконимию; 3) контактам и непосредственным взаимодействием с иноязычной топонимической системой [2, с. 289].

Цель настоящей статьи – представить некоторые факты, касающиеся топонимов в иноязычном окружении, и попытаться внести некоторую ясность в нерешённые вопросы этой проблемы. В качестве объекта исследования нами выбрана территория Восточной Германии, топонимия которой длительное время формировалась во взаимодействии со славянской топонимией.

У разноязычных топонимических пар, относящихся к одной и той же местности, обычно различают два главных типа соотношения между членами пары: семантическая близость и фонетическая близость [1, с. 84]. В настоящей статье рассматриваются немецко-славянские топонимические пары, характеризующиеся только семантической близостью. Материал для анализа взят из топонимических исследований Э. Эйхлера [5], К. Мюллера [6], Х. Вальтера [7] и классифицирован на две большие группы:

- 1) топонимы, образованные от обозначений лица;
- 2) топонимы, в которых отражается какой-либо заметный признак местности.

В первой группе рассматриваются названия от обозначений лица только из церковной сферы, т.е. названия, которые мотивированы принадлежностью к таким категориям, как *Bischofs-*, *Abts-*, *Propst-* или *Pfarrersleute* ‘люди епископа, аббата, старшего пастора или священника’.

В семантическом плане немецким названиям с первым компонентом *Bischofs(leute)* соответствуют в древнелужицком (др.-луж.) ойконимы типа *Biškopici*, позже *Piskowitz*, ойконимы, которые часто встречаются во владениях майсенских епископов. Х. Вальтер отмечает в верхнелужицкой епархии три параллельных немецких названия: *Bischofswerda*, *Bischdorf* и *Bischheim* [Ibidem, S. 557]. Немецкое выражение ‘*Leute eines Propstes*’, рус. ‘люди пастора’, др.-луж. *Proboštovici* лежит в основе ойконима *Prositz* (у Мейсена). Аналогичными немецкими названиями являются *Probstheida* (район в Лейпциге) и *Probstdeuben*, а также тюрингский ойконим *Probstzella*.

На раннем этапе освоения земель к востоку от Эльбы деревни с церковным приходом славяне часто называли *Popovici*. Эти названия не являются патронимическими в строгом смысле, потому что образованы не от личных имён, а от апеллятивов с подчёркнутым значением коллектива и уже не выражают указания на личную принадлежность владельцу. При взаимодействии с немецкой топонимической системой этот славянский тип адаптируется в форму *Poppitz*. Соответствующими немецкими эквивалентами можно считать названия *Papen-* / *Pfaffendorf*, например, пустошь *Pfaffendorf* у Лейпцига, с той оговоркой, что не принимается во внимание семантика второго компонента в сложных немецких названиях.

Находящиеся в подчинении короля селения назывались в др.-луж. **Krolovici* ‘люди короля’. Подобная мотивация имеет место в современном названии *Kröllwitz*. Немецкие ойконимы *Königshofen* ‘у двора короля’, *Königsfeld* ‘поле короля’ и *Königshain* ‘роща короля’ не указывают прямо на ‘людей короля’, но и их можно привлечь к сравнительному семантическому анализу.

Равнинный ландшафт северных районов Саксонии явился отправной точкой для создания многих немецких и лужицких топонимов, мотивированных природой этой местности. Прежде всего, это Лейпцигская бухта, расположенная между населёнными пунктами Биттерфельд – Дюбен и Пегау – Борна – Ошатц – Риза с многочисленными болотистыми поймами рек, поросшими лиственным лесом, и отсутствием каких-либо значимых возвышений. Лишь в древних районах проживания германских племён местность выглядит более рельефно; здесь встречаются волнистые холмы и невысокие конечноморенные цепи холмов, образовавшиеся в результате отступления ледника.

Однако не следует ожидать обилия семантических параллелей в лужицких и немецких топонимах. Особенности ландшафта ограничивали возможность закладки новых немецких поселений. По берегам рек и их притоков плотно располагались мелкие лужицкие поселения. Семантические параллели в названиях, обусловленные физико-географической характеристикой местности, чаще встречаются на окраинных территориях раскорчёванных под пашню земель, где первопоселенцы с немецкой и славянской стороны часто жили и работали под боком друг у друга.

Рельеф местности являлся общим мотивом присвоения названий поселениям у контактирующих народов. Самым общим лужицко-немецким соответствием для обозначения понятия ‚возвышенность‘ является др.-луж. *gora* (с многочисленными производными) и немецкое *Berg* ‘гора’. К др.-луж. топонимам с семантикой ‚возвышенность‘ относятся *Göhren, Gorau, Göhrenz, Gärnitz, Gornewitz, Görzig, Seegeritz* (< *za goric-*) и др. Среди немецких названий с аналогичной семантикой назовём *Hohenheida, Hohenlohe, Hohenturm, Hohenprießnitz, Hohenweiden*. Рядом с населённым пунктом *Göhren* лежит населённый пункт *Himmelhartha*. Современный *Hohburg* (севернее Вурцена) в ранние периоды назывался *Hoberg* [Ibidem, S. 559]. К расположенным на возвышенности поселениям относятся также *Wolkenburg, Waldenberg, Waldenburg*. Самыми известными ойконимами на *-berg* в окрестностях Лейпцига являются *Ehrenberg, Mark-* и *Knaut-Kleeberg, Thonberg, (Groß)Steinberg*, к которым также принадлежит *Landsberg* (восточнее Галле). Этой тополексеме соответствовала др.-луж. *cholm*, сохранившаяся в ойкониме *Gollma*. ‘Холмовая’ топонимия имела широкое распространение между Заале и Эльбой, в северных областях Саксонии. В других же областях параллели с немецкими названиями на *-berg* встречаются лишь спорадически.

В группу топонимов с семантикой ‚долина‘ входят не так много немецких названий в исследуемой области (*Thalheim, Morl, Störnthal, Klinga*). Более продуктивными являются др.-луж. тополексемы *dol* ‘долина, низменное место’, *grob* ‘ров’, *dobí/debí* ‘лесные дебри’, реже встречается *baŋa* ‘яма’ и производные от неё; ср. *Döhlen, Dahlen, Dölzig, Dölitz, Dölnitz, Podelwitz* (po-dol), *Döbern, Gröben, Gröbzig* и др.

Из разновидностей почвы, как мотивов в номинации географических названий, для лужицких и немецких земледельцев значимой прежде всего являлась каменистая, песчаная или влажная почва. Др.-луж. *kamen* ‘камень’ лежит в основе наименований двух урочищ *Kemnitz* и *Kemmlitz* к западу от Мюгельна, которым соответствуют немецкие топонимы *Stein* (нем. *Stein* ‘камень’), *Steina, Steinbach, Groß-* и *Klein-Steinberg*. Следует отметить также названия городов *Chemnitz* и *Kamenz*. На песчаные почвы указывает в топонимах др.-луж. *pěs-*, ср. русс. *песок*, (*Pösna, Pöhsig, Pesnitz*). Среди немецких названий, сходных по семантике, можно выделить такие как *Dürrweitzschen, Dürrenberg*, нем. *dürr* ‘сухой, высохший’. Глинистая почва отражалась в названиях через др.-луж. *il* и *glina* (*Eula, Eulau, Gleina*).

Водяная лексика представлена в др.-луж. тополексемами *mok-/moč-*: *Mockau, Mockern, Möckern, Muckern, Mockritz; tuch-/tuš-* ‘гнилой, затхлый’: *Tauscha, Tauschau, Tauschwitz, Tauchlitz, Taucha* и другие. Аналогичные немецкие названия встречаются крайне редко (*Nassau, Nasse-Böhla*, от нем. *nass* ‘мокрый, сырой’). Для *tuch-* / *tuš-* соответствия не обнаружены.

Истоки и верховья рек обозначались первоначально словом *born* (ср. новонаемецкое *Brunnen* ‘колодец, источник’), но топонимы на *-born* встречаются преимущественно в местах раскорчёвок земель под пашню в позднесредневековый период. В древних областях проживания германских племён в образовании географических названий вместо этой тополексемы участвует др.-луж. *Rěka / rěčka* (*Rietzschken, Roitzsch*) или *potok, potocka* ‘ручеек’ (*Pötzschke, Podschütz*). В окрестностях Лейпцига тополексема *-bach* ‘ручей’ встречается в названиях 12 раз и один раз как простое *Bach*. В округе Заале, восточнее Галле, встречаются две речки с названиями *Riedebach, Reidebach*, с ойконимом *Reideburg*. Пустошь *Rieth* (югу от Айленбурга) и ручей *Rippach* (пр. р. Заале) образованы от той же тополексемы *Rīde* нижнегерманского происхождения, которая означает ‘небольшой водоток, сырая низменность’.

Интерес в сравнительном плане представляют также отражённые в топонимии некоторые виды растений. Прежде всего, данная область покрыта влажным и сухим лесом. Влажные леса растут в заливных поймах рек, где лиственный лес преобладает над хвойным лесом. Для выражения общего понятия ‚лес‘, идёт ли речь о лиственном лесу или о смешанном лесу, существовали в др.-луж. *lěs-* и *drevo-*. Немецкими эквивалентами часто являются *Wald* ‘лес’ и *Holz* ‘лес, древесина’. От апеллятива *lěs* образованы ойконимы *Lessa, Lösau, Lößnig*, многочисленные *Lößnitz*; к ним же относятся производные с префиксом *za* ‘за’ *Sahlis* (< за лесом), *Sahlassan* и *Saalhausen*. Довольно трудно отличить названия, образованные от *drevo*, от названий, образованных от *treb-*; всё же к последнему можно отнести *Treben, Treblitzsch*. Немецкими соответствиями с *Holz* и *Wald* являются: *Holzhausen, Waldheim, Wäldgen, Wal(t)bach* и многочисленные ойконимы на *-walde*.

Болотный лес назывался в др.-луж. *lom*; от него образованы: *Lohma, Löhma, Lohmen, Löhminen, Lumpzig* и *Lonzig*. В немецком языке ближе всего соответствуют образования с *Wild(en)*: *Wildberg, Wildenhain, Wildenbörten* и другие названия. Хвойный лес по др.-луж. *bor* и *ch(v)oj-n-*, первая лексема встречается в ойконимах *Bohra, Borack, Boritz, Pohritzsch* и *Magdeborn*; последнее название засвидетельствовано в хронике Титмара из Магдебурга как *Medeburu* ‘медовый лес’ [Ibidem, S. 564]. Др.-луж. *ch(v)oj-n* ‘сосна, хвойный лес’ встречается в названиях *Kayna, Kaimnitz*, вероятно, также *Kaimberg*. Немецкими семантическими соответствиями можно было бы назвать *Tanne* ‘пихта’, ср. *Tanna* рядом с упомянутым *Kayna*, или композиты, например, *Tanneberg*, но прежде всего образования с *Kien* ‘смолистое (сосновое) дерево’: *Kühnitzsch, Kühnheide*; часто можно встретить микротопонимы с собирательной семантикой, например, *Kienich(t), Fichtig, Tännig, Lindich(t)*.

Сухой горный лес обозначался в др.-луж. словом *g(v)ozd*, например, ойконимы *Gösen* и *Gößnitz*, основным соответствием в этом плане в немецком языке является *Hard / Hart(h)*, например, *die Harth* (бывший большой лесной массив), ойконимы *Hartroda, Lindhart, Eichhardt* и другие.

Многочисленны соответствия среди названий пород деревьев, ср. др.-луж. *lipa* и нем. *Linde: Leipen, Leupten, Leipzig, Leipnitz* наряду с *Linda, Lindicht, Lindenau, Lindenthal*; др.-луж. *ol'sa* и нем. *Erle* ‘ольха’: *Oelsen, Olsnig, Elsnig* наряду с *Erlbach, Ellerbach, Erlen, Erlau*. Многочисленным славянским топонимам от названий деревьев *breza* ‘берёза’ и *buk* ‘бук’ можно подобрать в исследуемом регионе лишь немногие немецкие соответствующие названия. Так, выявлены славянские названия, встречающиеся неоднократно: *Brösen, Breesen, Prießen, Prießnitz, Prösitz, Bresewitz*, им противопоставлено лишь одно немецкое название *Birkbruch* (совр. *Wehrbruch*). Среди буковых названий доминируют *Bocka* и *Bockwitz*; в немецком языке представлены *Buch, Bucha, Buchheim*.

Таким образом, при анализе немецко-славянских топонимических параллелей мы обратили внимание не только на общеизвестные явления языкового контакта, но и на конкретные примеры, требующие тщательного исследования. Сравнительное исследование семантики славянских и немецких географических названий непосредственно в зоне языковых контактов в прошлом важно не только для ономастических исследований. Такой метод может с успехом применяться в других смежных науках, в частности, в исторической географии он помогает доказательной реконструкции ландшафтов прошлого, но, как и каждый другой метод, он ограничен в своих возможностях. Его значение уменьшается по мере продвижения вглубь доисторического прошлого.

Список литературы

1. Амбросиани П. Параллельные названия в прибалтийской и русской ойконимии Ингерманландии // Вопросы ономастики. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2008. № 6. С. 83-92.
2. Гулиева Л. Г. Русская топонимия Азербайджана // Перспективы развития славянской ономастики / отв. ред. А. В. Суперанская, Н. В. Подольская. М.: Наука, 1980. С. 288-293.
3. Крюков П. А. Структурно-семантические особенности ойконимов Верхней Лужицы (Восточная Германия) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 2. С. 106-111.
4. Хенгст К. Типология адаптации славянских имён собственных неславянским языком (на материале древнелужицкой топонимии в немецком языке) // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. С. 151-157.
5. Eichler E. Perspektiven der slawischen Ortsnamenforschung // Beitrüge zur Namenforschung. Neue Folge. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1988. Beiheft 27. S. 20-51.
6. Müller K. Altpolabische Kurznamen in Ortsnamen Brandenburgs und westlich benachbarter Gebiete Holsteins sowie Niedersachsens // Namenkundliche Informationen 81/82 / Herausgegeben von E. Eichler, K. Hengst und D. Krüger. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2002. S. 95-118.
7. Walther H. Benennungsparallelismus bei der Eindeutschung des Altsorbengebietes um Leipzig im hohen Mittelalter // Wort und Name im deutsch-slavischem Sprachkontakt: Ernst Eichler von seinen Schülern und Freunden / hrsg. Von Karlheinz Hengst ... Unter Mitarb. von Inge Bily. Köln – Weimar – Wien – Böhlau, 1997. S. 555-569.

TOPONYMS IN THE INTERLINGUAL INTERACTION

Belyaev Andrei Nikolaevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State Agrarian University
anbelajew@mail.ru

The article examines the problem of interaction of toponyms in the area of German-Slavic linguistic contacts. By the material of German and Sorbian toponyms the author provides comparative semantic analysis of topo-bases, identifies the common features in the process of origin of geographic names conditioned by the common physical-geographical and cultivated environment with the communicating nations.

Key words and phrases: interlingual interaction; toponymic system; oykonym; semantic parallels; Old Sorbian toponyms.